

...Последняя книга Сергея Захарова. Последняя не потому, что он перестал писать. Просто его самого не стало, он ушёл навсегда.

Стихи он писал постоянно, не переставая, так же, как постоянно напропалую влюблялся, азартно бился с ветряными мельницами и играл в свою собственную жизнь, как в преферанс. Ершистый и задиристый, Сергей многим не нравился своей непохожестью на других. У кого-то он вызывал зависть (счастливчик, сластолюбец, баловень судьбы!), у кого-то раздражение. Но едва ли кто-то мог оставаться равнодушным к этому яркому и неординарному человеку. И, конечно, – к его стихам, иногда нервным и ломким, порой нарочито грубоватым, но почему-то неизменно цепляющим за живое...

Сергей Захаров

Три рюмки коньяка или Прошлогодние стихи

Три рюмки коньяка

или

Прошлогодние стихи

Сергей Захаров

Сергей Захаров

Три рюмки коньяка, или Прошлогодние стихи

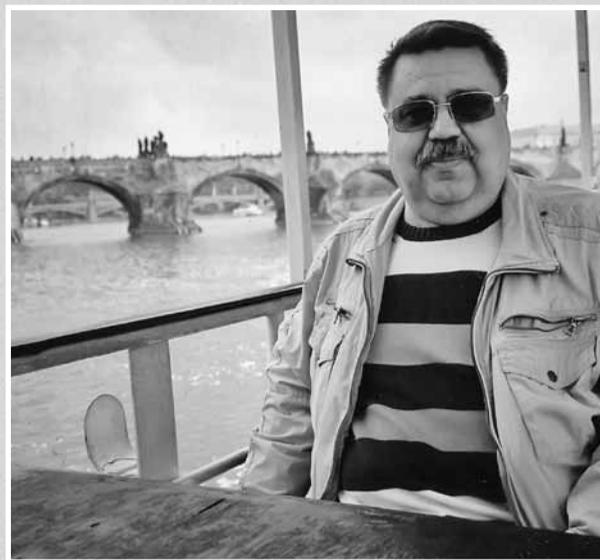

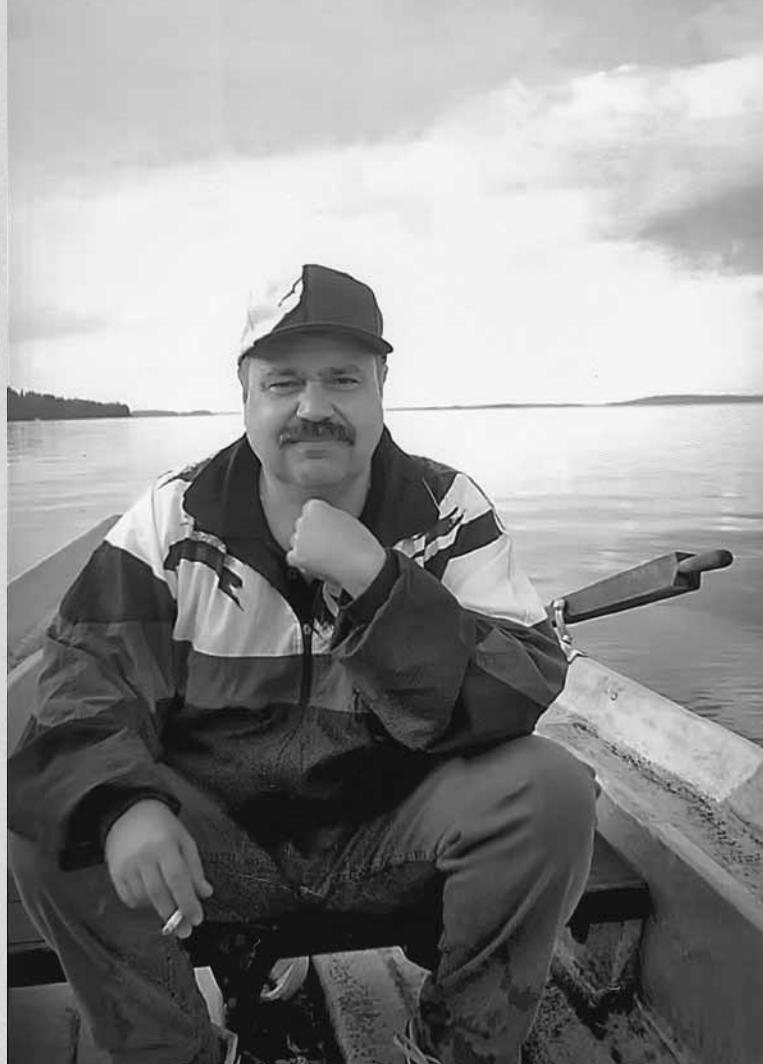

Сергей Захаров

Три рюмки коньяка,

или

Прошлогодние стихи

2019

Художник Алексей Портнов

Захаров С.

338 Три рюмки коньяка, или Прошлогодние стихи. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2019. – 96 с., ил.

... Последняя книга Сергея Захарова. Последняя не потому, что он перестал писать. Просто его самого не стало, он ушёл навсегда.

Стихи он писал постоянно, не переставая, так же, как постоянно напрапалую влюблялся, азартно бился с ветряными мельницами и играл в свою собственную жизнь, как в преферанс. Ершистый и задиристый, Сергей многим не нравился своей непохожестью на других. У кого-то он вызывал зависть (счастливчик, сластолюбец, баловень судьбы!), у кого-то раздражение. Но едва ли кто-то мог оставаться равнодушным к этому яркому и неординарному человеку. И, конечно, – к его стихам, иногда нервным и ломким, порой нарочито грубоватым, но почему-то неизменно цепляющим за живое...

ISBN 978-5-88485-267-9

ББК 84(2Рос=Рус)6

© С.А. Захаров, 2017

© А.В. Никифорова, предисловие, 2019

© А.М. Портнов, оформление, 2019

«Прощай, прощай, мой бывший я...»

«...Прошлогодние стихи» – последняя книга Сергея Захарова. Последняя не потому, что он перестал писать. Просто его самого не стало, он ушёл навсегда, в хорошем «битловском» возрасте – 64. «When I'm Sixty Four»... А стихи он писал постоянно, не переставая, так же, как постоянно напрапалую влюблялся, азартно бился с ветряными мельницами и играл в свою собственную жизнь, как в преферанс. Ершистый и задиристый, Сергей многим не нравился своей непохожестью на других. У кого-то он вызывал зависть (счастливчик, сластолюбец, баловень судьбы!), у кого-то раздражение. Но едва ли кто-то мог оставаться равнодушным к этому яркому и неординарному человеку. И, конечно, – к его стихам, иногда нервным и ломким, порой нарочито грубоватым, но почему-то неизменно цепляющим за живое... Каждый поэт всегда пишет о себе, его стихи – это зеркало, отражающее всё, что в нём происходит. Эти отражения зыбки и многослойны, как потаённые движения души. Порой за видимой напыщенностью сноба проглядывает трогательная незащищённость и растерянность подростка. А за полными самоиронии строками Сергея Захарова: «Боролся и искал, и скис, не обнаружив...» – чувствуется боль живого человека, его искреннее огорчение по

поводу несовершенства окружающего мира. Впрочем, вам может увидаться в этих стихах что-то совершенно иное...

Поэт ушёл. Но остались его рукописи и книги. Памятник нерукотворный.

«Прощай, поэт! Кружись, Земля,
Кружись до головокруженья.
Нет смерти – есть преображенье.
Прощай, прощай, мой бывший я!..»

Александр Никифоренко

I. VS

* * *

Безусая юность покусывать
не прочь тех, чьи вёсны вдали...

Спросили Валерия Брюсова:

– Как пишете вы о любви,
когда от невзгод ваши волосы
покрылись сплошной сединой,
и мучают тяготы возраста,
и сердцу так нужен покой?

Поэт отчеканил немедленно:

– Я правдою не погрешу,
что было со мной и что не было –
всё помню.

О том и пишу.

Белый парус. Океан.
Пляж, где жарко-жарко нам.
Здесь зима наоборот.
Папа Хэм дайкири пьёт.
Под ребро толкает бес –
есть в бикини, есть топлесс.
Вдаль ушёл проблемный год.
С пальмы падает кокос.
Рыба-дура спиннинг гнёт.
Бурный вечер ждёт народ,
где бокалов слышен звон,
где уже любовный стон,
реггей, ром, презерватив,
если есть аккредитив.
Не для сна нужна постель ...
В общем, грасиас, Фидель.

Блок – о знакомке, а в сонетах
у Шекспира – смуглая его ...
Но бытует мнение – поэты
бабники, ну все до одного.
Мнение неверное при этом.
Вот Петрарка – он любил одну.
Бабник же стремится быть поэтом,
чтоб ещё одну
пустить ко дну.
Женщинам поэт слагает вирши,
дарит им
букет прекрасных слов.
Бабник же о женщинах не пишет –
топит цель
при помощи стихов.
Впрочем, закавыка есть – Россия.
Скажем, Пушкин – на любовь не скуп.
Или тот, что про дожди косые –
Лиля, Вероника ... Однолюб.
Или Блок, опять же, шельма, ловок.
Не задел ни разу дамы честь.
Только говорят, что незнакомок
было у него – не перечесть.
Поэтессы – те вообще путаны,
ищущие истину меж ног.

Четки из сердец в руках у Анны,
у Марины – Софьюшка Парнок.
А Есенин!
Да и остальные
благолепьем
не смиряли кровь.
В краткий век их
перья золотые
многое пропели про любовь.
Так что вот,
Россия – исключенье.
Стих – дитя любви,
и наплевать
на чужое ханжеское мнение,
если сердце греет благодать.

Дочь Гиппократа

Это скользкая тема –
не повод для шуток.
Утром в банку отлейте мочу,
сдайте кровь натошак,
на голодный желудок,
а потом отправляйтесь к врачу.
Врач посмотрит на вас
и измерит давление,
пульс проверит, потрогает лоб.
Он в больницу направит,
назначив лечение,
и отсрочит недуги и гроб.
Врач бывает мужского
и женского пола,
но мужчина подобен нулю.
Лучший врач – это женщина.
Даже уколы
их руками я нежно люблю.
Ковыряясь в еде алюминиевой ложкой,
взгляд свой жаркий
повсюду сую.
Невесомый халатик и стройные ножки
лечат тело
и душу мою.

Это счастье, когда тебя
врач понимает
и не против с тобою побыть,
а быть может, быть может,
себя позволяет
пациенту больному любить.
И в день выписки,
нежно обняв на прощанье,
свой халатик
сменив на штаны,
гиппократова дочь
без слезы и стенанья
дверь закроет
с другой стороны.
Курс медвуза помножив
на опыт свой личный
и учтя, что режим соблюден,
неразборчивым почерком
в листик больничный
мне проставит диагноз:
«Влюблён».

Июнь

* * *

Как в детстве мир велик.
И дышит наша сфера
невероятных книг
шалюною атмосферой,
где нет плохих концов
и где живёт надежда,
и хочется творцов
примеривать одежды.
И мальчик узнаёт,
чтоб лучше в мире стало,
нам нужен галиот
и парус нужен – алый.
И чтоб не умереть
или не сесть в галошу
желательно иметь
вокруг друзей хороших,
которых не сломать,
кто знает кодекс братства:
«Бороться и искать.
Найти и не сдаваться».

Там, где огонь и дым,
не будет друг обузой...
Да вот, творец – один
иль с ветреною музой.
Но толку от неё,
как от бумажной шпаги.
Один
он создаёт
фантомы на бумаге.
И – миф, что он создал,
и – миф, за что боролся,
а милый идеал
здесь, в жизни, не нашёлся.
И пашет от свистка
и до свистка, не ноя.
От этого тоска
бывает
и запои.
И, опустев до дна,
прочтёт-таки с охотой
«Жизнь Клима Самгина»,
«Шинель» иль «Идиота».

Иль нет, начав едва.
И вспомнит лишь порою,
что капитанов два,
а мушкетёров трое.
Естественный финал
для многих –
мордой в лужу.
Боролся и искал,
и скис, не обнаружив.

* * *

Лес кругом.
Зонтик крон над макушкой.
Буераки, и дует Борей.
Но в лесу этом ты
как опушка
с лучезарной улыбкой твоей.

Май

Я забыл, что май,
и что всё цветёт,
и что ожил лес,
соловей поёт,
и что в лёгком девочки,
каблучками – цок,
и что вымыл улицы
грозовой поток.
И что лето знойное,
сев в кабриолет,
у истока Невского
ждёт зелёный свет.
Я забыл ... Оставшийся
там, где жил любя,
потому что рядышком
нет со мной тебя.

* * *

Мой завет –
он всем не обязателен:
можно жизнь прожить,
терпя стоически.
Только жён, как и прикид,
желательно,
лучше бы менять.
Периодически.

Позднее раскаяние

Вуз – это чувств чёрно-белые полосы.
Девушки. Что тут ещё говорить.
Свежие лица и чистые помыслы,
стройные ножки и длинные волосы
и бескорыстная жажда любить.
Каюсь.
Но был я в ладу с беспринципностью.
Юные годы – любви беспредел.
И на конспекте с разлитыми цифрами,
переполняемый сложными рифмами,
Тане писал, когда Ольгу имел.
Время бежит.
Слов из песни не выкинешь.
Парту с конспектом сменила кровать.
Девушки так же у нас изумительны –
принцип остался один, но внушительный:
поздно привычки с годами менять.

* * *

Сентябрь.
Облетает загар.
От лета в душе перегар.
И в урну отправила осень
оторванный лист
с цифрой 8.

* * *

Сколько там ещё – воды на небе?
Третий день нас поливает дождь.
В домик у пруда забрался лебедь,
пряча для приличья крыльев дрожь.
Летний сад, уставший от туристов,
моется под душем из небес.
Вдоль аллея нерукотворно чистых
кайф словили статуи топлесс.
И фонтан, под дождиком ненужный,
размышляя о своей судьбе,
запускает струи вверх натужно,
нам напоминая о себе.
Ты промокла. Зонтик непригоден.
Лебедь клюв из будки показал.
Что же мы стоим и не уходим,
и не прячем мокрые глаза ...

Сон в летнюю ночь

В разноцветной Африке,
где от зноя звон,
протрубил час завтрака
африканский слон.
В Африке безжалостной,
на простор её
вылезло из зарослей
разное зверье.
Ловят ноздри чуткие
запах у реки,
заблестели жуткие
когти и клыки...
Сбился кадр путаный,
испарился слон –
мне приснился утренний
нехороший сон.
На столе настурция,
за окошком мразь.
Вовремя проснулся я –
кровь не пролилась.

* * *

Солнце, да ели. Дымок из трубы.
Съели клубнику, но скоро грибы.
Лета макушка, на спад поворот.
Осень наступит, потом Новый год.
Снеги растают, полезет трава...
Вот ведь на свете какая мура.

Та девушка

Я имени её не знаю.
И не знаком.
Шла электричка, громыхая,
Всё было сном.
Я видел только это чудо.
А поезд шёл.
И кто она, зачем. Откуда?
Не подошёл.
И всё закончилось, конечно.
Но ведь была.
Сошла на станции конечной.
И все дела.
Логично было бы забытья –
уж сколько лет.
Забывались многих женщин лица.
А этой – нет.

* * *

Училище.
Снаружи – недотроги.
Профессор нам вещает,
сед и лих:
– Курсанты, перестаньте глазоёбить.
Но силуэтов как избегнуть молодых?
Посмотришь –
вроде на душе теплее,
и перспектива
сбросить есть узду,
и в сердце огонёк
надежды тлеет,
и что-то там шевелится внизу.

И будет вечер,
Танцы и дороги.
По ним придётся
проводить подруг
мне и друзьям моим.
И недотроги
в дотрог волшебю
превратятся вдруг.

* * *

Что такое время?
Не дано учёным
не пощупать это,
это не понять
ни седым завлабам,
ни юнцам зелёным,
не пустить в растяжку
и не обкорнать,
в формулы не втиснуть,
не воткнуть в законы.
Можешь только мерить,
но условно лишь.
Время – брать вершины,
время – вниз по склону,
время не заставишь
и не подчинишь.
День теперь короткий.
Вечер, ночь да утро.
Ты – юна пока что,
я – на годы зол.
Кто придумал время
был, конечно, мудрым.
Но зачем так мало
нам его отвёл?

II. VSOP

* * *

В исканьях путь пройдя,
на склоне лет
банальный вывод сделал:
бабы – дуры.
Мечта о женщине
прекрасней, спору нет,
чем встреченные мной
кандидатуры.

* * *

В небыль сходят друзья-товарищи.
– Детство, было ты или нет?
Но стоит как вещдок пока ещё
дом,
который построил дед.

* * *

В чём отличие
Чёрного моря от Белого –
в Чёрном больше
нетрезвого и загорелого.

* * *

... Возьмём, к примеру, Гамлета.

Он – кто?

Принц без принцессы.

Запах смерти чует.

Но ходит в Эльсиноре без пальто,

в обносках,

думает (?), что любит.

Любить приятней в Сочи иль Крыму,

с хмельной красавицей

туда приехав вместе,

купюр имея полную суму,

а не в прогнившем нашем

королевстве.

Да, в климате балтийском

глупо жить.

Ещё глупее – вместе уживаться.

А если так,

за что судьбу винить –

не проще ли

за дело всё же взяться.

Какая уж Офелия тогда.

Прасковью призови к себе, Парашу.

Такую вот действительность

Бог дал.

Её не переменишь.

Это – наше.

* * *

Вы – теорема,
я скажу, мадам.
Доказывать её не собираюсь.
И полагаю, даже Перельман
поднимет руки к небесам,
сдаваясь.

* * *

ЕС проводит санкции,
войной грозитя НАТО,
спортсменов наших мучают,
но мы – не виноваты.
Не жрём их фрукты-овощи,
плюём на пляжи их,
и делим мы на четверо,
что раньше – на троих.

* * *

Женщине беременной в метро
место уступил, как долг велел.
Вместе с ней, внутри её пальто
плод утробный на скамейку сел.

* * *

Забился в логово.
Один.
Листаю, ем, смотрю программы.
Зима. Темно. Огни машин.
Лишь Дон Гуан бредёт до Анны.
Переживаю.
Спору нет –
расстались.
Впору бы напиться.
Вопрос – отсутствует ответ –
как это всё могло случиться?
Дождаться бы в окошке дня,
а то тоска совсем скрутила.
Не отрекаются, любя.
Но взял с чего,
что ты
любила.

* * *

Зачем Герасим утопил Муму?
Зачем мы дружно грохнули страну?
Зачем, зачем, зачем да почему? –
Стакан залей и крякни – потому!

* * *

Известно,
что в эпоху перемен
желательно не жить.
Но чтобы выжить,
пишите меж своих
квартирных стен
стихи,
чтоб в угол не поставить лыжи.

* * *

Как тяжела, мадам,
твоя рука.
Как остры ногти,
как опасны зубы.
И хорошо, что мы
с тобой пока
сосуществуем мирно
и друг другу любы.

* * *

Когда рождается ребёнок
здесь или где-то вдалеке,
лежит он посреди пелёнок
и с ФИО бирка на руке.
Года ложатся под копирку,
и дети надобны стране.
И я храню в альбоме бирку,
в роддоме выданную мне.
Когда придёт, черна как сажа,
смерть, долгожданна и нежна,
та бирка, что к ноге привяжут,
уже мне будет не нужна.

* * *

Крым похож на кляксу.
Не чернильную.
Или на плиту разбитую,
могильную.
Кладбища – свидетели истории,
и на суше много их,
и в море.
Кровь уходит
в почву каменистую.
Выросшей лозы
вино игристое
на крови настоящее
пьём.
И у моря строим
новый дом.

* * *

Мир есть сейчас – а завтра сгинул.
Усвой же, превращаяся в труху:
чем больше в кейс любви закинул,
тем проще будет наверху.

* * *

Наутро он ушёл,
накинув плащ.
Довольный он,
довольна одалиска,
ещё одно сердечко
бросив в клатч,
и, кстати, он,
пополнив
донжуанский список.

* * *

Ну вот и всё.
Проблему не поправить.
Раздрай, раздоры, ревность –
и развод.
Твоё лицо в его простой оправе
вчера отправил в мусоропровод.

* * *

Ну, зачем, мой ангел горький,
ты явилась в октябре?
И сидишь в моей подкорке,
и не хочешь быть в коре.
Я умом не понимаю,
да и можно ли понять,
ну откуда, дорогая,
у тебя такая стать.
Вправе мне ты не поверить,
но забиться я готов,
что аршином не измерить
то, что лезет из трусов.
За тобой несусь я гончей,
слюни в пасти не унять.
Как увижу – сразу кончу
и опять хочу кончать.
Пролетают вёрсты, годы...
Ты прекрасна – нету слов.
Вот что делает природа,
вот что делает любовь.
Укатали сивку горки,
лоб разбитый лапкой тру.
... Как бы вынуть из подкорки
и тебя воткнуть в кору.

Ода Кубе

Над головой бездонный купол неба.
Вокруг бездонный тёплый океан.
Давно, давно я с молодости не был
на островке, закутанном в дурман.
Приятно вспомнить и опять увидеть
цветы и пальмы, пляжи и прибой,
вкушать дайкири, лобстеров и мидий,
особенно российской зимой.
Точёных девушек в весёленьких бикини
уламывать не надо и просить.
Здесь солнце в каждой, а отнюдь не иней,
который надо чем-то растопить.
И солнца жар, и к вечеру прохлада
располагают, что ни говори,
в отличие от мрака Ленинграда
к безбрежной и лихой ночной любви.
По европейским бабам не тоскуя,
здесь папа Хэм не зря остался жить,
за ромом сляпав формулу простую:
на Кубе в кайф спиваться и любить.
Не думая о власти и народе,
барбудос шли в кровавую купель,
поскольку о такой простой свободе
мечтал и Че, да впрочем, и Фидель.

Что ж. Всё не зря. Тебе слагаю оду,
о Куба!
Ты мила и мне.
Уж лучше эта бедная свобода,
Чем несвобода в северной стране.

Пенсионный триптих

В сетевом лабазе поутру,
кайф ловя от социальных мер,
скидку оформляю на крупу,
потому что я – пенсионер.

Пенсию из почты я несу,
ветеран труда и инвалид.
Лопаю раз в месяц колбасу,
презирая буржуазный быт.

Был когда-то молод и красив,
а теперь совсем лишился сил.
Без бабла, без вилл, без перспектив
девушкам хорошим я не мил.

* * *

Пытаясь молодость продлить,
ты из волос сплела косичку.
– Идёт, – я вру тебе привычно,
чтоб только бы не рассердить.
Быть дамой снова в уик-энд
тебя достало до печёнки.
Попасть бы в молодёжный тренд
и ощутить себя девчонкой.
Да вот корячится беда –
я староват, дошёл до ручки.
И рядом выглядит тогда
не дочкой будешь ты, а внучкой.

* * *

Случилось.
Непредвиденно,
сжигая планы в прах.
И в шоке от увиденного
ах!
Бессонница, фантазии,
биение виска,
желанье эвтаназии.
Тоска.
Симптомы без различия
у париев и бонз,
ну разве их количество –
влюблён-с.

Смерть сперматозоида

... Лишь один из огромной стаи
он, заслон ПЗС пронзая,
к ней пробился, добился и слился.
Растворился в любви, растворился.
Жизнь создав,
он погиб героем ...
Что ты, девочка, что с тобою?
Что ты плачешь, какого чёрта?
Не видать тебе, блин, аборта.
И в сложившейся ситуации
о стране лучше думай
и нации.

Казино

Шарик мечется со звоном.
В клатче веером гондоны.
И шампанское во льду.
На последние монеты
лотерейные билеты.
Я иду ва-банк. Иду.

Шарик мечется со звоном.
Дилер голосом Кобзона
что-то тусклое поёт.
Жизнь и смерть сцепились в схватке.
Ангел сдриснул без оглядки.
Я один.
И в пальцах лёд.

Шарик мечется со звоном,
по своим летя законам.
Очень долго, много лет.
И никак не хочет в дунку.
Кошелёк пустой и рюмка.

Сердце встало.
Шарик – нет.

* * *

Швеция, разбитая когда-то,
дарит сказки добрые ребятам.
И Стокгольм родней стал,
чем Иваново,
с голосом Раневской и Ливанова.

III. XO

* * *

А утром увидел я – девушки нет.

Ушла.

Лишь дымок сигаретки,
надломленной в банке, – единственный след
исчезнувшей сладкой нимфетки.

За шторами муть просыпается дня.

Ночь сгинула, лыбяся криво,
оставив пустым и ненужным меня –
обёртку презерватива.

* * *

...Балансируя на гололедице,
курс держа по ковшу Медведицы,
я иду, оставляя след.
Гроз былых позабыты молнии.
Я один в ледяном безмолвии.
Никого больше рядом нет.
Пляжей жарких песок заплаканный,
серпантин из бикини лакомых –
больше их не увидеть мне.
Север Крайний, края бескрайние
и дорога до дома дальняя,
от Камчатки к реке Неве.
Нет.
Пока это лишь пророчество
и видения от одиночества –
черных дыр цветное клише.
Я в квартире своей с удобствами
и вчера только кушал лобстеров.

Просто плохо моей душе.

* * *

Была королева,
а стала, прочухай,
по дури своей
заурядною шлюхой.

* * *

Весною расставаться хорошо.
Весной приятно жить на этом свете.
Всё ново, всё чудесно и свежо,
и я лечу, как тёплый лёгкий ветер.
Искать меня не следует теперь.
Я рядом вьюсь, с шмелём жужжа у розы.
Ты подзабыла дом мой и в квартиру дверь,
но в памяти сижу я, как заноза.
Сто лет пройдёт, и старая карга,
в которую подруга превратится,
занозу эту не достав тогда,
меня всё будет помнить и беситься.

Возвращение Незнайки

Возвратился с Луны коротышка,
пригляделся – а города нет.
Синеглазка ушла к Торопыжке,
и у них уже бегают шкет.
У Пилюлькина с Кнопочкой дети,
Гунык-друг не пустил на порог,
спился Гуся, повесился Цветик,
Тюбик в тельнике ходит – митёк.
Смылся Знайка с семьёй в Сан-Комарик –
щедро фертинги платит Луна.
Урожай жрут ползучие твари
и не сжата полоска одна.
Шпунтик с Винтиком, дело забросив,
оформляют продажу машин,
шавермой управляет Авоська,
а Небоська освоил хычин.
Растеряйка томится в неволе,
Пулька с пушкой пошёл в братаны,
Пончик, с акций урвав свою долю,
секонд-хенд поставляет с Луны.
Медуница сеть клиник открыла –
коротышковый дурит народ.
Никого больше не излечила,
но лопатою бабки гребёт.

В канареечных бриджах и шляпе
сам не знаю, куда я иду.
Что ж ты сделал, волшебник проклятый
и слинял? – Всё равно ведь найду.
Фейс начистив волшебною палкой,
я устрою тебе Бухенвальд,
а потом, как бы ни было жалко,
закатаю в вонючий асфальт.
А за что? Что по чьей-то указке,
отработав с лихвой гонорар,
превратил нашу детскую сказку
в этот нынешний взрослый кошмар.

* * *

Если дрон над украми пустить,
то увидишь – выпить есть,
но не на что купить.
Над Россией пустишь,
а картинка та же.
Мы народ единый.
Вскрытие покажет.

* * *

Есть обычай
северных народов –
демонтировав кочевный кров,
уходить с оленями в дорогу,
у костра оставив стариков
умирать,
от стужи замерзая,
ягеля вдыхая горький дым,
в сладком сне
идя к воротам рая,
не мешая
странствовать живым.

Вот и ты уходишь.
Догорает
хворост. Леденеет кровь.
И любовь земная отступает.
И приходит Божия любовь.

* * *

Жена не протрезвевшего под утро
пытает мужа: любит или нет?
В глазах его читая мутно-мудрых,
конечно, положительный ответ.
Так власти наши, севшие на шею,
кричат вопрос в обобраный народ:
люб или нет – патриотизм как нац. идея?
Ну, хрюкни им, что ты – не патриот.
Какая разница (пусть слушают мобильник),
хороший Путин или же плохой,
когда без надобности дома холодильник,
когда в кармане кошелек пустой.

04.12.16

* * *

Из тучки выпал самолёт,
не нарушая лётных правил.
Он сел и завершил полёт
и в общем мне тебя доставил.
Стою на выходе и жду,
и ждать, конечно, не устану –
княгиню ждать не в лом пажу –
и ты выходишь с чемоданом.
И снегом чуть удивлена,
свинцовым небом и болотом,
свежа и чуть утомлена
бессонницей и перелётом.
Я весел и гляжусь орлом,
я прибыл стриженным и бритым
и трезвым, в тачке, за рулём,
но всё ж тобою подзабытым.
Тебе – букет из алых роз,
мне – чемодан, что ты тащила.
Вот шубку тёплую привёз,
чтоб ненароком не простыла.
И я везу тебя домой,
где с чувством дохлым разберёмся,
где жили дружно мы с тобой,
но дальше вряд ли уживёмся.

Любовь, безденежье и быт
прикончили.
Я в Лету кану,
тобой, как эпизод, забыт.
Ты улетишь.
Держать не стану.

* * *

Когда ты кончала,
крича и потея,
кайф краткий поймав,
вдруг подумалось мне,
что брак – это всё же
плохая затея,
поскольку я весь
достаюся жене.
Ей шмотки и тряпки,
ей тачки и цацки,
ей шубы и пляжи,
ей завтрак в кровать,
ей фитнес и ботокс,
подтяжки и маски ...
Мне – бабки добыть,
чтоб её ублажать.
Мораль очевидна –
не надо жениться.
Есть общество девушек
почасовых.
Люблю их весёлые
честные лица.
А жёны – ну, что ж,
пусть дурачат других.

* * *

Нам впадать в уныние грешно.
А коллекторов не стоит звать.
Государство, если и должно,
никогда
не будет отдавать.

Реплики

Развязка наступает в третьем акте.
Метели всю Россию замели.
Как при царе ввели налог на лапти,
налог на шубы в чипы завели.

Ну, нет бабла в российском государстве,
И, несмотря на принятый ряд мер,
верхи бюджет наполнили коварством,
где брешь собой заткнул пенсионер.

Собачье сердце

(отрывок)

«Сапсан» приехал. Станция Москва.
Конечная, как всё у нас конечно.
Бравурный марш грохочет у виска,
встречая понаехавших сердечно.
Чем ближе приближаешься к Кремлю,
тем чётче ощущаешь запах серы,
где всё подвластно евро и рублю,
где всё вокруг лишь плац для лицемеров.
Здесь золотом покрыты купола
на пафосных и одиозных храмах.
Здесь птица Гамаюн гнездо свила
и ублажает пеньем пухлых хамов.
Здесь сердце оболваненной страны,
где надо подчиняться, а не думать.
И кладбище зачем-то у стены,
и Мавзолей – глупее не придумать.
Здесь в праздники весёлые салют,
и сапоги грохочут по брусчатке.
Здесь ежедневно бонзы сладко жрут
икру каспийскую и крабиков с Камчатки.
И утомившись от бумажных дел,
на джипах пробки объезжая ловко,

под вечер убывают на пленэр,
домой из центра, то есть на Рублёвку.
Страна не здесь.
Здесь прыщик на лице,
припудренный, как любят голубые.
Россия – где кончается шоссе.
Там начинается
и только там – Россия.

* * *

Стало скучно
на экран смотреть,
в пробке слушать
песенки форматные,
залезать в компьютерную сеть
и ценить
девичьи формы статные.
Это старость.
Суета ушла.
И смешны теперь
на расстоянии
та любовь,
что нас с ума свела,
встречи – ночи, утра – расставания,
бригантины, шхуны, клипера,
земли, что вдали
искать не стоило,
и летящий стих из-под пера,
клад ненайденный
и кошельки с пистоями,
подвиги, походы и шторма,
парус алый,
о грядущем помыслы ...
Что теперь осталось –

шаверма
и газет
за бабки врущих полосы.
Нам, уставшим,
к солнцу путь закрыт.
Мы сползаем
к предночному сумраку.
Этот мир
теперь принадлежит
светлаковым, брежневым и ургантам.
Это так.
Но надо ль ревновать?
Каждый возраст
порождает глупости.
Всё простить придётся
и понять,
что переходящий – Кубок юности.
Но и ныне всё же –
не пасуй.
Пусть в итоге
мучает бессонница
как медаль
за дерзкий поцелуй
губ неопытных
вчерашней школьницы.

Книги и публикации Сергея Захарова

Подкова. *Литературно-художественный альманах.* – Л., 1990.

Корабль. – СПб., 1993.

Хмелевка. В соавторстве с Александром Никифоренко: коллективный псевдоним Агей Назаров. – СПб., 1996.

Хмелевка 2. В соавторстве с Александром Никифоренко: коллективный псевдоним Агей Назаров. – СПб., 1997–2002.

В прошлом веке. – СПб., 2004.

Хмелевка 3. В соавторстве с Александром Никифоренко: коллективный псевдоним Агей Назаров. – СПб., 2006.

Пригород. – СПб.: «Файндер», 2008.

На фоне стальных кораблей. Избранное. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2009.

Снег. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2013.

СПб. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2015.

Три рюмки коньяка, или Прошлогодние стихи. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2019.

Содержание:

<i>Александр Никифоренко</i>	
«Прощай, прощай, мой бывший я...»	21
I. VS.	23
«Безусая юность покусывать ...»	25
«Белый парус. Океан...»	26
«Блок – о знакомке, а в сонетах ...»	27
Дочь Гиппократы	29
«Как в детстве мир велик ...»	31
«Лес кругом ...»	34
Май	35
«Мой завет ...»	36
Позднее раскаяние	37
«Сентябрь ...»	38
«Сколько там ещё – воды на небе? ...»	39
Сон в летнюю ночь	40
«Солнце, да ели. Дымок из трубы ...»	41
Та девушка	42
«Училище ...»	43
«Что такое время? ...»	44
II. VSOP.	45
«В исканьях путь пройды...»	47
«В небыль сходят друзья-товарищи ...»	48
«В чём отличие ...»	49
«...Возьмём, к примеру, Гамлета ...»	50
«Вы – теорема ...»	52
«ЕС проводит санкции ...»	53
«Женщине беременной в метро ...»	54
«Забился в логово ...»	55

«Зачем Герасим утопил Муму? ...»	56
«Известно ...»	57
«Как тяжела, мадам ...»	58
«Когда рождается ребёнок ...»	59
«Крым похож на кляксу ...»	60
«Мир есть сейчас – а завтра сгинул ...»	61
«Наутро он ушёл ...»	62
«Ну вот и всё ...»	63
«Ну, зачем, мой ангел горький ...»	64
Ода Кубе	65
Пенсионный триптих	67
«Пытаясь молодость продлить ...»	68
«Случилось ...»	69
Смерть сперматозоида	70
Казино	71
«Швеция, разбитая когда-то ...»	72
III. XO.	73
«А утром увидел я – девушки нет ...»	75
«...Балансируя на гололедице ...»	76
«Была королева ...»	77
«Весною расставаться хорошо ...»	78
Возвращение Незнайки	79
«Если дрон над украми пустить ...»	81
«Есть обычай ...»	82
«Жена не протрезвевшего под утро ...»	83
«Из тучки выпал самолёт ...»	84
«Когда ты кончала ...»	86
«Нам впадать в уныние грешно ...»	87
Реплики	88
Собачье сердце	89
«Стало скучно ...»	91
Книги и публикации Сергея Захарова	93

Захаров Сергей Анатольевич
Три рюмки коньяка, или Прошлогодние стихи
Стихотворения

Редактор *Григорий Иоффе*
Составление, набор, корректура *Ирина Попова*
Оформление и верстка *Алексей Портнов*

Подписано в печать 15.03.2019. Формат 60×84 1/32.
Гарнитура Arno Pro. Бумага мелованная. Заказ № 26.

Издательство «Петербург — XXI век»
198095, СПб., пл. Стачек, 4. ДК им. А.М. Горького.
Тел.: (812) 498-50-01.

Email: ioffe@yandex.ru
www.peterburg21vek.ru

ООО «Контраст»
192029, СПб., пр. Обуховской обороны, д. 38.
Тел./факс (812) 677-31-19